

ISSN 2221-6197 <https://biomicsj.ru>

Мои встречи с В.Г.Конаревым в узком кругу

А.В. Чемерис

Институт биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН
Российская Федерация, 450054, Уфа, пр. Октября, 71
E-mail: chemeris@anrb.ru

Резюме

У меня в жизни было две встречи с академиком РАСХН, директором-организатором нашего Отдела биохимии и цитохимии БФ АН СССР (ныне Института биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН) Василием Григорьевичем Конаревым, произошедшие, что называется, в узком кругу. Первая состоялась в Уфе в гостинице «Россия» в июле 1982 г., а вторая - спустя почти два десятилетия в Санкт-Петербурге в декабре 2000 г. у него дома, куда я пришел, чтобы вручить Василию Григорьевичу поздравительные адреса из Уфы в связи с его 85-летием, а также доставить вкусные подарки. На обеих встречах присутствовала его жена Ида Адольфовна. На первую нашу встречу с собой меня взял тогдашний заведующий Отделом биохимии и цитохимии ученик Конарева Ш.Я.Гилязетдинов. Вторая встреча произошла благодаря тому, что я был отправлен в командировку в Санкт-Петербург, в ВИР другим учеником Конарева - директором уже Института биохимии и генетики В.А.Вахитовым (у которого соруководителем кандидатской диссертации, в свою очередь, был Ш.Я.Гилязетдинов) с заданием, в том числе, навестить В.Г.Конарева.

Ключевые слова: В.Г.Конарев, академик РАСХН, Почетный академик Академии наук Республики Башкортостан, геном растений, пшеница

Цитирование: Чемерис А.В. Мои встречи с В.Г.Конаревым в узком кругу. *Biomics*. 2026. Т.18(1). С.13-22. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2026-2

© Автор, А.В.Чемерис, 2026

My meetings with V.G.Konarev in a narrow circle

A.V. Chemeris

Institute of Biochemistry and Genetics of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
71 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, Russian Federation
E-mail: chemeris@anrb.ru

Resume

In my life, I had two meetings in narrow circle with an academician of the Russian Academy of Agricultural Sciences, the organizing director of our Department of Biochemistry and Cytochemistry of the Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR (now the Institute of Biochemistry and Genetics of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences) Vasily Grigoryevich Konarev. The first one took place in Ufa at the hotel "Rossiya" in July 1982, and the second one took place almost two decades later in St. Petersburg in December 2000 at his home, where I came to present Vasily Grigoryevich with congratulatory addresses from Ufa in connection with his 85th birthday, as well as deliver delicious gifts. His wife Ida Adolfovna attended both meetings. At the first meeting, the then head of the Department of Biochemistry and Cytochemistry, a disciple of V.G.Konarev, Sh.Ya.Gilyazetdinov, took me with him. The second meeting took place due to the fact that I was sent on a business trip to St. Petersburg, to the VIR by another of disciple of V.G.Konarev, the director of the Institute of Biochemistry and Genetics, V.A.Vakhitov (who is also a disciple of Sh.Ya.Gilyazetdinov), with a mission, including to visit V.G.Konarev.

Keywords: V.G.Konarev, Academician of the Russian Academy of Agricultural Sciences, Honorary Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, plant genome, wheat

Citation: Chemeris A.V. My meetings with V.G.Konarev in a narrow circle. *Biomics*. 2026. V.18(1). P.13-22. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2026-2 (In Russian)

© The Author, A.V. Chemeris, 2026

В статьях, посвященных памяти какого-либо человека, часто вспоминают некие интересные жизненные ситуации с ним связанные. И у меня в жизни было две таких встречи с академиком ВАСХНИЛ и затем уже РАСХН, директором-организатором нашего Отдела биохимии и цитохимии БФ АН СССР (тогда только на правах Института, а ныне Института биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН) Василием Григорьевичем Конаревым, произошедшие, что называется, в узком кругу. Но сначала о том, что нашей первой встрече предшествовало.

В начале июля 1982 г. Отделом биохимии и цитохимии БФ АН СССР было проведено Всесоюзное рабочее совещание «Геном растений, структура, экспрессия и модификация». В его работе приняли участие ведущие специалисты по этим направлениям из многих регионов страны, включая ряд союзных республик. Среди участников был и ученый секретарь Межведомственного Совета по физико-химической биологии и биотехнологии к.х.н. О.В.Старовский, о котором еще пойдет речь.

Рис. 1. Участники Всесоюзного рабочего совещания «Геном растений, структура, экспрессия и модификация» на крыльце одного из корпусов БФ АН СССР, Уфа, июль 1982 г. О.В.Старовский стоит в первом ряду с блокнотом в руке. В первом ряду крайний справа тогдашний директор Отдела Ш.Я.Гилязетдинов. В третьем ряду крайние справа предыдущий и будущий директора нашего Отдела/Института Р.Р.Ахметов (самый крайний) и В.А.Вахитов Автор данной статьи стоит в третьем ряду слева и может быть идентифицирован по еле заметным очкам на переносице.
Fig. 1. Participants of the All-Union workshop "Plant genome, structure, expression and modification" on the porch of one of the buildings of the Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Ufa, July 1982. O.V.Starovsky stands in the first row with a notebook in his hand. In the front row, on the far right, the then director of the Department, Sh.Ya.Gilyazetdinov. In the third row, the previous and future directors of our Department and the Institute are on the far right - R.R.Akhmetov (the most extreme) and V.A.Vakhitov, the author of this article stands in the third row from the left and can be identified by the faint glasses on the bridge of his nose.

Так случилось, что В.Г.Конарев¹ в том совещании участие принять не смог, потому что у него, видимо, были запланированы иные дела и встречи, в том числе на его родине в селе Голубовка Оренбургской области, откуда он вместе с супругой Идой Адольфовной вскоре после завершения вышеупомянутого совещания оказался проездом в Уфе.

* * *

После успешного проведения того совещания многие сотрудники ушли в отпуска, либо разъехались по экспедициям и потому в Отделе было совсем мало народу. И вот мне где-то в середине июля днем по внутреннему телефону позвонил Шамиль Ямилович и сказал, что в Уфу прибыл Конарев с супругой и нужно их в гостинице навестить. Видимо, Гилязетдинов посчитал, что одному ему идти как-то неудобно и для выражения большего почтения нужно взять с собой кого-то еще, хотя он сказал, что возможно туда сможет подойти А.М.Ямалеев – в тот момент ст.н.с. лаборатории генетики нашего Отдела. Я ни тогда, ни позже не спрашивал Шамиля Ямиловича почему он на мне остановил свой выбор, видимо, посчитав, что имею некое право его сопровождать в том посещении крупного ученого, тем более, что двумя неделями ранее я уже общался с разными академиками, приезжавшими на то самое совещание. Гилязетдинов, видимо, счел, что компанию я им не испорчу и разговор поддержать смогу. Хотя всего-то я был тогда начинающим младшим научным сотрудником и уже работал в лаборатории В.А.Вахитова, которую Гилязетдинов незадолго до этого выделил из своей. Однако, несмотря на мой такой низкий официальный статус, на мне лежала ответственность по Отделу за заказы импортных реактивов, зарубежного оборудования и даже за подписку на иностранные научные журналы, для чего требовалась инвалюта так называемой первой категории, приходящая в БФ АН СССР различными путями из разных источников, одним из которых после того совещания стал Межведомственный Совет по физико-химической биологии и биотехнологии. Наш Отдел был включен в соответствующую программу и сразу по завершению того совещания потребовалось очень быстро подготовить и отправить в Москву заявки на импортное оборудование и реактивы. О.В.Старовский объяснил, какие формы заявок нужно подготовить с указанием фирм-производителей, каталожных номеров заказываемого оборудования, включая комплектующие, а в случае реактивов еще и годов выпуска используемых для заказа каталогов с конкретными страницами, где нужный реактив упоминался, что было нужно для итоговой проверки в Москве и составления общей заявки. Естественно, никакого интернета еще не было и в помине и потому такие каталоги с прайс-листами нужно было иметь, но с этим проблем как

раз не было, поскольку, вскоре после того, как поступив на работу в Отдел, я стал ими обзаводиться. Нужно было еще знать действующий курс рубля по отношению к разным валютам, и периодически в газете «Известия» такие курсы публиковались, и у меня всегда над рабочим столом висела такая свежая вырезка из газеты, поскольку инвалюту могли дать в любое время года.

Сотрудники Отдела, имеющие отношение к выполнению заданий по той программе, составили свои списки-пожелания реактивов, которые мне пришлось привести в соответствие с каталогами, осуществить выбор таковых, учитывая различную стоимость и размеры фасовок у разных фирм, а окончательную сумму определял Гилязетдинов. По соответствующим формам заявок было заказано и некоторое импортное оборудование, которого нам остро не доставало. Все это я успел сделать в кратчайшие сроки. На следующий год оборудование, а также реактивы стали приходиться как мы их заказывали, и нашему Отделу был присвоен номер 35 (спустя несколько лет поменявшийся на 36) и до сих пор у нас сохранились некоторые непортящиеся и недоизрасходованные реактивы, на упаковках которых можно увидеть те номера. Получая реактивы в Москве, мы переправляли их в Уфу обычно железнодорожным транспортом. И так продолжалось до 1990 г., благодаря чему мы смогли основательно пополнить тогда свой арсенал дефицитных реактивов. Дело в том, что в те годы в Академии наук для всех существовала система заказов реактивов и оборудования, в том числе импортных, через Центракадемнаб по их каталогам, которые были очень скудными и содержали лишь самые основные реактивы. И поступали они на наш склад БФ АН СССР с большой задержкой или даже не поступали вовсе. А для проведения исследований по физико-химической биологии нужен гораздо больший спектр реактивов и биопрепаратов, поставляемых, в том числе, на холоду, что стало для нас возможным благодаря другой системе заказов через Межведомственный совет, и это была некая привилегия, поскольку далеко не все Институты могли получать реактивы таким образом. Можно сказать, что проведение в Уфе того совещания и приглашение на него Ш.Я.Гилязетдиновым О.В.Старовского сыграло очень важную роль в развитии исследований в нашем Отделе/Институте и однозначно подняло их на более высокий уровень. Старовский по просьбе Гилязетдинова еще не раз помогал нашему Отделу и выделением инвалюты, и уникального отечественного оборудования, а также предоставлением целевых штатных ставок.

В этой связи не могу не вспомнить еще одну ситуацию, произошедшую в феврале 1986 г., когда в Москву на совещание по организации МНТК «Биоген» был приглашен Ш.Я.Гилязетдинов. Туда же был приглашен и Председатель Президиума БФ АН СССР тогда член-корреспондент АН СССР Г.А.Толстикова.

¹ Организаторскому таланту В.Г.Конарева, ярко проявившемуся в Уфе, посвященная другая статья этого номера журнала [Чемерис (Chemeris), 2026].

Проходило это совещание в новом здании Института биоорганической химии им. акад. М.Ю.Шемякина АН СССР. Я тоже был в это время в Москве, сопровождая Гилязетдинова, поскольку он надеялся на выделение денег, а сам должен был дальше ехать в Минск, и ему нужно было мое присутствие, чтобы дать соответствующее поручение лично, а не по телефону. Так и вышло. На следующий день после того заседания утром я пришел в гостиничный номер к Шамилю Ямиловичу и он рассказал о своем разговоре со Старовским, в котором тот дал согласие на срочную подготовку заявки на импортное оборудование. Только сумму не назвал. Гилязетдинов, что называется, как его не «пытал», тот уклончиво отвечал – шлите. У нас было представление, что нам требуется закупить. Знали мы и пожелания сотрудников Института химии, возглавляемого тем же Г.А.Толстикovým. Но дело осложнялось тем, что это был уже вторник, а заявка должна быть в пятницу утром в Москве, подписанная Толстикovým как Председателем БФ АН СССР. Гилязетдинов позвонил в гостиничный номер Толстикovu и кратко обрисовал ситуацию, упомянув про хроматограф высокого давления, который как раз хотели купить сотрудники лаборатории Генриха Александровича, на что тот ему ответил, что не успеет. Точно помню, что Гилязетдинов сказал – «мои ребята успеют, нужно лишь Вам будет подписать заявку». Толстикov дал «добро». На том тот их разговор и закончился. Гилязетдинов определил сумму – 50 тысяч инвалютных рублей. Сейчас она может показаться совсем небольшой, но по тем временам это были немалые деньги, поскольку стоимость американского доллара колебалась в районе 60 копеек. При этом нынешний доллар с учетом инфляции приблизительно в три раза дешевле доллара 1986 г. и оборудование в абсолютном выражении стоило соответственно. К тому же для проведения исследований в области молекулярной биологии в качестве ежедневного или часто используемого оборудования особо дорогостоящих позиций не существовало. Самыми дорогими приборами тогда являлись электронные микроскопы, ультрацентрифуги с различными роторами и сцинтилляционные счетчики радиоактивности, но все эти приборы у нас в Отделе уже имелись. А секвенаторы ДНК были еще «ручными», рассчитанным на использование радиоактивной метки с последующим этапом радиоавтографии высушиваемого геля, при этом совсем недорогими, и мы, кстати, именно тогда такой и заказали модели Masorhog шведской фирмы LKB, на котором потом получали высококачественные результаты. Тогда же был куплен первый для Уфы ультранизкотемпературный морозильник на -86°C японской фирмы Sanyo. Вернувшись в Уфу, я тут же приступил к оформлению заявки, согласуя отдельные позиции с коллегами. В четверг после обеда заявка была отпечатана, и требовалось получить подпись Г.А.Толстикова, но к нему «пробиться» в тот момент

было нереально и тут на помощь пришли химики, но и им удалось сделать это только под самый вечер. В итоге мой однокурсник и коллега Ф.Р.Гималов² полетел ночным рейсом в Москву, чтобы утром в пятницу наверняка заявку доставить куда требовалось, а именно в тот самый Межведомственный Совет по физико-химической биологии и биотехнологии. Когда Гилязетдинов вернулся в понедельник в Уфу, то я ему доложил, что все сделали, но мне пришлось на свой страх и риск увеличить сумму до 65 тысяч, поскольку 50 тысяч не хватало, а связаться с Шамилем Ямиловичем в Минске и согласовать изменение суммы не представлялось возможным. На что он сказал – ладно. Вероятно, мы поскромничали, и можно было изначально и на 100 тысяч решиться. Но как бы то ни было – все заказанное оборудование мы получили. Спасибо Старовскому!

О.В.Старовскому также нужно выразить признательность и за то, что нашему Институту в середине 1980-х гг., помимо вакансий, были выделены две ультрацентрифуги модели Ж-62³, изготовленные в рамках конверсии, благодаря потенциалу оборонной промышленности, имевшей опыт производства подобных центрифуг для обогащения урана. Их уникальной особенностью было то, что в отличие от других центрифуг, у которых ротор насаживался на иглу привода, здесь ротор во время вращения с помощью магнитной подвески был как бы подвешен в вакууме, что при внезапном внештатном отключении электроэнергии приводило, ввиду отсутствия ощутимого трения, к крайне долгой остановке его вращения, длившейся многие часы. По счастью, такое случалось крайне редко.

Все же ультрацентрифуг надо коснуться чуть подробнее, поскольку в те годы это было очень важное оборудование для физико-химической биологии, эксплуатировавшееся подчас сутками напролет и поэтому получение нами двух ультрацентрифуг было серьезным подспорьем. Сам лично видел в разных институтах специальные центрифужные залы, в которых рядами стояли десятки различных ультрацентрифуг. У нас их было поменьше - ультрацентрифуги VAC-601 и VAC-602 производства ГДР (запомнившиеся своими не очень удачными непрозрачными пластиковыми пробирками); две аналитические ультрацентрифуги венгерского производства модели MOM 3170, в комплекте которых было и по одному препаративному ротору; препаративная ультрацентрифуга модели Spinco L2-65B американской фирмы Beckman 1971 года выпуска, безотказно прослужившая нам без малого 40

² ставший затем Ученым секретарем нашего Отдела/Института и занимавшим эту должность четверть века

³ Другое ее название - медико-биологическая левитирующая (безопорная) ультрацентрифуга К-32

лет, у которой лишь однажды во второй половине 80-х гг., благодаря финансовой поддержке все того же Межведомственного совета, была проведена замена привода ультрацентрифуги, после того как он полностью выработал свой ресурс. Посетившие наш Институт уже в наступившем тысячелетии представители в России американской фирмы-преемницы Beckman-Coulter с большим интересом ее осматривали, фотографировали, поскольку ультрацентрифуга данной модели оставалась в рабочем состоянии, возможно, единственной в мире, и они такую прежде никогда не видывали! На смену всем тем ультрацентрифугам в 2006 г. была приобретена современная ультрацентрифуга модели Optima L-8 90K фирмы Beckman-Coulter, которая сейчас одна вполне справляется со стоящими перед сотрудниками Института задачами, поскольку в молекулярно-биологических методах и подходах произошла определенная смена акцентов. При этом в физико-химической биологии до сих пор есть отдельные задачи, которые невозможно выполнить без этапов ультрацентрифугирования, и посему такая техника обязательно должна быть в арсенале исследователей. При этом, возвращаясь к тем отечественным ультрацентрифугам Ж-62 нужно сказать, что они не уступали, а во многом и превосходили западные образцы, располагая только лишь меньшим ассортиментом роторов.

Спустя несколько лет после того заказа оборудования 1986 г. уже сам академик Г.А.Толстиков поручил мне в короткие сроки подготовить заявку на сумму 400 тысяч инвалютных рублей для закупки биологического оборудования для всего Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР, включив в нее позиции Института экологии микроорганизмов Пермского научного центра УрО АН СССР и заочно познакомив меня с его директором будущим академиком РАН, Председателем Президиума УрО РАН, депутатом Государственной Думы В.А.Черешневым⁴, поскольку в те годы Г.А.Толстиков был также Первым заместителем Председателя УрО АН СССР. Мне даже приходилось несколько раз вечерами звонить Генриху Александровичу домой, поскольку согласовать важные моменты днем не представлялось возможным. Тогда удалось включить в заявку многие ценные приборные позиции, вместе с уже имеющимся в Уфе оборудованием практически полностью покрывающими все потребности для проведения исследований в области современной биологии. Заявку подготовили, в Москву отправили, но денег на нее выделить не успели, поскольку в стране начались деструктивные процессы, а вскоре и самого СССР не стало. Параллельно в то же время в составе большой

команды коллег я принимал участие в комплектации научным оборудованием Опытного химического завода, который должен был быть построен в Уфе (мы даже неоднократно ездили в Москву на переговоры с генпродирядчиками из Италии), но в итоге тот завод оказался перебазирован в Волгоград.

* * *

Это я несколько отвлекся от нашего визита к Конаревым, но просто хотел показать, что уже в 1982 г. я был не самый простой «мнс» и Гилязетдинов мне многое доверял/поручал, поэтому, наверное, и взял тогда с собой. К тому же Гилязетдинов был руководителем моей дипломной работы 1979 г. выполнения/защиты и мог оценить, что я с ней успешно справился при том, что он лишь очертил круг объектов и указал на методы проведения исследований⁵, предоставив мне практически полнейшую свободу действий как в экспериментальном плане (не вникая в мелкие детали), так и в написании обзора, и при описании полученных результатов, которые мы с ним, безусловно, обсуждали по ходу исследований и вносили необходимые коррективы, которых, впрочем, было совсем немного. И именно за это я очень ему признателен, поскольку Шамиль Ямилович фактически заложил во мне самостоятельность ведения научной деятельности, так как, придя после окончания ВУЗа на работу в Отдел стажером-исследователем, я вполне мог вести исследования по порученной мне теме без какого-либо кураторства⁶. Хорошую помощь в выполнении мною той дипломной работы и последовавших затем исследований оказывала Научная библиотека БФ АН СССР, получавшая в те времена множество ведущих иностранных научных журналов (к чему я тоже позже прилагал «руку») и благодаря этому имелась возможность знакомиться с исследованиями зарубежных авторов в оригинале, в том числе со статьями методического плана. Не могу при этом не

⁵ Это были гетерозисный гибрид кукурузы «Слава» и его родительские формы, а основным методом стал гель-электрофорез ядерных и цитоплазматических рибосомных РНК в полиакриламидных, низкопроцентных (и это была большая сложность) гелях с последующим их окрашиванием и денситометрированием. Причем, мне тогда даже сумели выточить тонкостенные трубки из оргстекла, к которым такие гели не «прилипали», но этот материал обладал худшей теплопроводностью.

⁶ По большому счету Учителя как такового в реальности у меня в науке не оказалось, и я был всегда самодостаточен. Причем в науке не только Учитель должен считать, что у него есть ученики, но и те должны для себя решать, что у них есть или был Учитель, что фактически требует обоюдного решения и формальности здесь не всегда работают, хотя их никто не отменял.

⁴ Наша очная встреча произошла много лет спустя в Перми, куда я приехал на конференцию

упомануть своего старшего коллегу И.А.Яхина, который в тот момент заканчивал оформление кандидатской диссертации, выполненной под руководством Гилязетдинова, и при этом давал мне ценные практические советы по гель-электрофорезу молекул рРНК, поскольку другие старшие коллеги (В.А.Вахитов и М.А.Камалетдинова) были в то время на стажировке в Москве в Институте молекулярной биологии АН СССР и в МГУ.

Итак, после окончания рабочего дня мы с Гилязетдиновым направились пешком в гостиницу «Россия»⁷, которая всего в одной остановке от нашей работы, зайдя по пути в соседний магазин и купив там несколько бутылок минеральной газированной воды «Уфимская»⁸ (было очень жарко) и бутылку сухого вина, скорее всего Алиготе⁹.

С этим грузом мы пришли в гости к Василию Григорьевичу и Иде Адольфовне в их просторный двухкомнатный номер люкс. Гилязетдинов представил им меня, сказав, что взял с собой молодого сотрудника. Скорее всего, этим он не удивил Конарева, поскольку к нему знакомиться, надо думать, приводили немало молодых сотрудников – будущих аспирантов ВИРа. Около часа спустя, вернувшись с полей, к нам присоединился А.М.Ямалеев, который также был учеником Конарева и его коллеги по ВИРу В.И.Кривченко¹⁰, а супруга Ямалеева – А.А.Ямалеева (тогда преподаватель на созданной Конаревым кафедре биохимии биологического факультета БашГУ) была ученицей самого Василия Григорьевича. Ямалеев пришел тоже не с пустыми руками, а принес еще одну бутылку аналогичного вина. Мы, что называется, у них в номере хорошо посидели, обсудив в том числе только прошедшее совещание, а также многое другое и не только в области науки и уже собрался уходить.

И тут начинается самое интересное. Василий Григорьевич так и не услышал от Гилязетдинова про меня, что, вот мол, потенциально будущий аспирант. Возможно, он подумал, что Гилязетдинов забыл, а я не

решился поднимать эту тему. И не выдержав, сам стал спрашивать у Гилязетдинова - какие планы у Алексея. На что Гилязетдинов ему ответил, что у него с работой все спорится и аспирантура ему не нужна. На том и разошлись. Конарев, видимо, так до конца и не понял - зачем к нему Гилязетдинов меня приводил. Не помню, чтобы Гилязетдинов пояснил, что больше взять было некого, а Ямалеев мог и не освободиться в тот вечер. Да и не мог он Василию Григорьевичу такого сказать, конечно же. Но и мне он ничего такого не говорил. Так что я тоже остался в неведении.

Позже, случалось, что мы встречались с Василием Григорьевичем на различных конференциях и иных мероприятиях в разных городах. Так, в частности в следующем 1983 г. была проведена подобная научная конференция «Геном растений» в Черновцах¹¹ и Конарев уже принимал в ней участие. Тогда в Черновцы съехалось много ученых со всего Советского Союза, среди которых приехало довольно много уфимцев, причем на коллективной фотографии (рис. 2 и 3) многие из них совершенно случайно оказались поблизости от Конарева.

Помимо перечисленных на фотографии уфимцев, еще участие в той конференции принимали Ш.Я.Гилязетдинов, В.А.Вахитов, И.А.Яхин и О.Ноздрин, но по непонятной причине на фотографировании они отсутствовали или на общем фото их просто не видно. Таким образом, на той конференции в Черновцах из Уфы было 11 участников и все они были из одной организации – Отдела биохимии и цитохимии БФ АН СССР и в плане единого учреждения это, возможно, было одно из самых крупных представительств, если не принимать во внимание самих хозяев - организаторов данной конференции.

Вспоминая данную конференцию в своей книге «Научная биография с воспоминаниями о прошлом» [Конарев, 2004], Конарев пишет, что академик УССР К.М.Сытник¹² в свободное от заседаний время свозил его на то место в предгорьях Карпат, где в начале августа 1940 г. был арестован Н.И.Вавилов, когда он находился там в экспедиции и собирал гербарий.

⁷ ныне «Азимут»

⁸ в те годы производилась такая, хорошая была, но сейчас, наверное, уже мало кто ее помнит

⁹ точно не помню какое вино было куплено, но выбор тогда был небогатый и Алиготе входило в обычно продаваемый ассортимент

¹⁰ с которым мне тоже довелось повстречаться на Дагестанской опытной станции ВИР в Дербенте летом 1980 г., когда помогал ученику Ямалеева Р.Ф.Исаеву в анализе урожая, одновременно пополняя нашу коллекцию семян разных видов пшениц и их сородичей эгилопсов, а потом в декабре того же года я был у Кривченко в его лаборатории в ВИРе в Пушкине

¹¹ Черновцы для биохимиков и молекулярных биологов примечательны еще и тем, что в 1905 г. в этом городе (тогда в Австро-Венгрии) родился известнейший ученый, американский биохимик Эрвин Чаргафф, открывший для молекул ДНК «правила», названные его именем, что сильно помогло Дж.Уотсону и Ф.Крику открыть двойную спираль ДНК. Однако семья Чаргаффов еще во время Первой мировой войны перебралась в Вену.

¹² приезжавший, кстати, в 1982 г. в Уфу на то совещание

Рис. 2. Участники научной конференции «Геном растений» перед зданием Черновицкого Ордена Трудового Красного знамени государственного университета, в котором она проходила.

2. Participants of the scientific conference "Plant Genome" in front of the building of the Chernovtsy Order of the Red Banner of Labor State University, where it was held.

Рис. 3. Силуэты участников научной конференции «Геном растений». Использован фрагмент фотографии, где виден сам Конарев и уфимцы. 1 – В.Г.Конарев, 2 – Н.Л.Киняпина, 3 – М.С.Юмагузин, 4 - И.В.Галимова, 5 – М.И.Еркеев, 6 – А.Н.Зимницкий, 7 – А.В.Чемерис, 8 – Ф.Р.Гималов

Fig. 3. Silhouettes of the participants of the scientific conference "The plant genome". Used the fragment of the photograph showing V.G.Konarev himself and the Ufa residents.

1 – V.G.Konarev, 2 -N.L.Kinyapina, 3 – M.S.Yumaguzhin, 4 – I.V. Galimova, 5. – M.I.Erkeev, 6 – A.N.Zimnitsky, 7 – A.V.Chemeris, 8 – F.R.Gimalov

Вторая моя личная встреча с В.Г.Конаревым и произошла у них дома, когда мне было поручено его супругой в самом конце декабря 2000 г. вручить ему по случаю его 85-ти летнего юбилея

поздравительные адреса от нашего Института и от Академии наук Республики Башкортостан, Почетным академиком которой он был избран в 1991 г, а также доставить вкусные подарки в виде знаменитого башкирского меда, в том числе в самых настоящих пасечных рамках, которые я вез в Санкт-Петербург поездами с пересадкой в Москве. Те адреса были подписаны, соответственно, д.б.н., проф., академиком АН РБ В.А.Вахитовым и д.ф.-м.н., проф., академиком РАН Р.И.Нигматулиным¹³.

К тому времени я стал уже доктором наук по специальности «молекулярная биология»¹⁴ и совмещал две должности - заместителя директора Института по научной работе и заведующего лабораторией молекулярной биологии¹⁵. Причем обе мои диссертации (кандидатская и докторская) были посвящены генам и геномам диких видов пшениц и их сородичей, чему и Василий Григорьевич уделял немало внимания и поэтому нам в научном плане было о чем поговорить. Мы как раз тогда приступили к написанию рукописи по филогении пшениц, где ссылались на работы Конарева и его коллег¹⁶.

Филогенией и эволюцией пшениц мы продолжаем интересоваться и поныне, и не так давно вышла подготовленная нами обзорная публикация, основывающаяся уже на данных полногеномного секвенирования ядерных и хлоропластных геномов разных видов пшениц и эгилопсов – доноров субгеномов полиплоидных форм [Кулуев и др. (Kuluev et al., 2023)], рецензентом которой оказался старший сын Василия Григорьевича – проф. Алексей Васильевич Конарев (сам, много сделавший в данной области), и об этой своей роли (рецензента) он нам сам сообщил, высоко оценив направленную ему редакцией нашу статью.

Затронули мы с Василием Григорьевичем и вопрос о древней пшенице, поскольку в ходе той командировки в Санкт-Петербург, в ВИРе мне предоставили несколько зерновок ориентировочно двухтысячелетней давности из археологических раскопок, что представляло интерес с точки зрения где какие виды пшениц тогда возделывались. Нам потом удалось с помощью ПЦР поработать короткие

ампликоны консервативного фрагмента высококопийных генов рРНК, принадлежащих разным субгеномам¹⁷, но С.М.Бикбулатова, которая этим занималась, вскоре переключилась на преподавательскую, административную и профсоюзную деятельности и та работа продолжения, к сожалению, не имела. Но сейчас, в связи с секвенированием нами полных хлоропластных геномов целого ряда видов пшениц и эгилопсов, древние зерновки стали представлять новый интерес уже для прояснения некоторых вопросов доместикиации на разных территориях.

Ида Адольфовна тогда угостила нас вкусной вишневой наливкой собственного изготовления, и мы по рюмочке с Василием Григорьевичем ее выпили.

В домашнем кабинете Конарева с портретом Н.И.Вавилова на стене на полке над столом стояла написанная нами незадолго до нашей встречи книга «Секвенирование ДНК» [Чемерис и др. Chemeris et al., 1999] и он о ней хорошо отзывался. Здесь нужно сказать, что сам Василий Григорьевич всегда придавал важное значение методическим вопросам проводимых исследований, и его книга в соавторстве с С.Л.Тютеревым «Методы биохимии и цитохимии нуклеиновых кислот» [Конарев, Тютерев, 1970] на протяжении многих лет была настольной книгой многих поколений исследователей в этих областях.

Незадолго до моего визита Конарев закончил работу над вторым изданием своей монографии «Морфогенез и молекулярно-биологический анализ растений» [Конарев (Konarev), 2001], и в тот момент работал над другой книгой «Научная биография с воспоминаниями о прошлом», увидевшей свет позже [Конарев (Konarev), 2004]. Описывая в ней свой уфимский период, Конарев тепло вспоминает свое пребывание в Уфе, коллег и учеников, соседей по дому, сожалеет и даже ставит это себе в вину, что не «сделал» Гилязетдинова¹⁸ доктором наук, хотя «вина/беда»¹⁹ в этом именно последнего более чем очевидна, поскольку Шамиль Ямилович «почему-то

¹³ благодаря поддержке Р.И.Нигматулина В.А.Вахитову удалось воплотить давнюю, многолетнюю мечту надо думать всех сотрудников Отдела биохимии и цитохимии, ставшего в ноябре 1999 г. Институтом биохимии и генетики, который был преобразован в него путем переименования

¹⁴ звание профессора по той же специальности мне предстояло получить через полгода

¹⁵ эти должности я занимал с 1994 по 2016 гг. и с 1995 по 2015 гг. соответственно

¹⁶ в силу ряда причин та статья вышла с некоторой задержкой [Вахитов и др. (Vakhitov et al.), 2003]

¹⁷ Как раз в то время нами готовилась подача заявки на получение патента Российской Федерации на способ выявления загрязнения семянины твердой пшеницы мукой мягкой пшеницы, в котором требовалось выделение ДНК, в том числе из макаронных изделий, и детекция в этих препаратах ДНК субгенома D, присущего мягкой пшенице, и наличие В и А субгеномов в качестве положительных контролей [Бикбулатова и др. (Bikbulatova et al.), 2005].

¹⁸ и не только его, но к теме данной статьи это отношения не имеет

¹⁹ Это «соображение» уже мое лично, а не Конарева, по крайней мере, не высказанное им.

вдруг решил перейти под другое кураторство»²⁰. А другой «консультант»²¹ был физиологом и отмел в диссертации Ш.Я.Гилязетдинова все, что было связано с гетерозисом – «самую важную и интересную часть работы, после чего завершить докторскую диссертацию такой талантливый исследователь, как Шамиль Ямилович не смог, о чем я очень сожалею».

По существу, почти готовая диссертация Шамяля Ямиловича оказалась выхолощенной (и это тоже моя точка зрения), а «физиологии растений» в ней оказалось недостаточно. Ту ситуацию с «незащитой» Гилязетдиновым почти готовой докторской диссертации можно считать до некоторой степени его трагедией и не только его одного. Причиной «смены кураторства» были, конечно же, не личностные отношения, которые были прекрасными, свидетелем чему был сам на той самой гостиничной встрече в Уфе в 1982 г. Причем за год до нее вышла обзорная публикация по гетерозису у растений за авторством В.Г.Конарева, Ш.Я.Гилязетдинова и Р.Р.Ахметова [Конарев и др. (Konarev et al.), 1981]. Рукопись была получена редакцией 11 декабря 1980 г. и, по всей видимости, она была некоей квинтэссенцией докторской диссертации Шамяля Ямиловича, поскольку содержала немало ссылок на его работы, опубликованные вместе с соавторами, включая Конарева.

Похоже, что главную роль в том решении Гилязетдинова сменить консультанта сыграло тогдашнее несколько пренебрежительное отношение со стороны «большой» академии (АН СССР) к академии «сельскохозяйственной» (ВАСХНИЛ). Даже месту защиты уделялось, возможно, излишнее внимание и вполне вероятно, что Шамяля Ямиловича уговорили (убедили), что будет лучше защищать докторскую диссертацию ему не в ВИРе, а на Диссертационном совете одного из ведущих Институтов АН СССР, с которым, к тому же, у нашего Отдела тогда были весьма тесные связи.

Завершил свои воспоминания об уфимском периоде Василий Григорьевич следующим текстом «Недавно Отдел стал Институтом биохимии и генетики, а В.А.Вахитов - его директором. Перед этим Отдел издал весьма ценную книгу – «Секвенирование ДНК» (А.В.Чемерис, Э.Д.Ахунов, В.А.Вахитов. М.: Наука, 1999. 429 с.) Это в хорошем смысле богатый идеями обзорный труд – глубоко продуманный залог и фундамент для серьезных исследований в области молекулярной биологии, чему, надо полагать, будет посвящено главное направление нового Института».

²⁰ здесь и далее курсивом цитирую самого Василия Григорьевича из его книги [Конарев (Konarev), 2004]

²¹ Конарев тактично фамилию не называет, но мы знаем кто это был

Наверное, можно уверенно констатировать, что Василий Григорьевич оставался доволен своим детищем Уфимского периода в виде Отдела биохимии и цитохимии, превратившегося затем в Институт биохимии и генетики, корни которого уходят в далекий 1956 г., когда Конарев возглавил тогдашний Агробиологический институт БФ АН СССР, вскоре добившись его переименования в Институт биологии и создав в нем со временем лабораторию нуклеинового обмена, затем послужившую базой для образования в 1962 г. Отдела биохимии и цитохимии.

Я не стал тогда Конарева спрашивать, помнит ли он ту нашу первую встречу в Уфе в гостинице, когда меня привел к нему Гилязетдинов²², поскольку Василию Григорьевичу представляли наверняка многих молодых людей за его долгую жизнь в науке и всех упомнить, конечно же, невозможно. Хотя тот случай был, как уже выше говорилось, слегка особенный. Постеснялся спросить.

Вот такие две не самые обычные встречи (особенно первая) в 1982 и 2000 гг. были предоставлены мне судьбой в лице Гилязетдинова и Вахитова и я, безусловно, рад тому, что мне дважды в узком кругу удалось пообщаться со столь важным для биологической науки Уфы и для нашего Института, в частности, человеком – выдающимся ученым, академиком РАСХН В.Г.Конаревым.

Закончить данную статью хочу еще одним воспоминанием, имеющим отношение к Василию Григорьевичу. Не припомню уже всех деталей, но на складе нашего Отдела биохимии и цитохимии имелся электрический самовар, как было сказано - «Конаревский подарок»²³, но к тому времени (начало 1980-х гг.) нагревательный тэн в нем перегорел и он находился в нерабочем состоянии. Мы забрали его к себе в лабораторию, смогли²⁴ заменить тэн и потом долгое время им пользовались, пока в продаже не появились более безопасные электрические чайники, отключающие нагрев после закипания.

²² Случилось так, что сейчас, будучи гл.н.с., имея почетные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, я занимаю тот же кабинет в нашем Институте, что и Ш.Я.Гилязетдинов перед окончательным выходом на пенсию, правда, в нем после него до меня сменилось уже несколько хозяев.
²³ возможно, этот подарок был сделан В.Г.Конаревым при его отъезде в тогдашний Ленинград в 1967 г. – «история» сейчас, что называется, об этом умалчивает
²⁴ ныне в это трудно поверить, но это был дефицитный товар, и найти его было непросто

Благодарности: Хочу выразить признательность своему однокурснику и коллеге Ф.Р. Гималову за предоставление фотографии Черновицкой конференции (рис. 2) и изготовление силуэтов по ней (рис. 3).

Конфликт интересов: А.В. Чемерис является заместителем главного редактора данного журнала 'Biomics', но это не повлияло на процесс рецензирования и на принятие окончательного решения.

Рукопись получена редакцией 27 января 2026 г.

Принята к публикации 26 февраля 2026 г.

Литература

1. Вахитов В.А. Чемерис А.В., Сабиржанов Б.Е. и др. Филогенетические взаимоотношения пшенично-эгилопсного альянса и нуклеотидные последовательности промоторных областей рДНК пшениц и их диких сородичей. *Генетика*. 2003. 39(1). 5-17.
2. Конарев В.Г. Морфогенез и молекулярно-биологический анализ растений. Санкт-Петербург: ВИР. Издание второе. 2001. 417 с.
3. Конарев В.Г. Научная биография с воспоминаниями о прошлом. СПб.: ВИР. 2004. 140 с.
4. Конарев В.Г., Гилязетдинов Ш.Я., Ахметов Р.Р. Гетерозис и его проявления по данным биохимии и молекулярной генетики (обзор). *Сельскохозяйственная биология*. 1981. 26(3). 380-386.
5. Конарев В.Г., Тютюрев С.Л. Методы биохимии и цитохимии нуклеиновых кислот растений. Ленинград: Колос. 1970. 204 с.
6. Кулуев А.Р., Кулуев Б.Р., Чемерис А.В. Проблема происхождения субгеномов В, А, D пшеницы мягкой *Triticum aestivum* L.: Старые факты и новые доказательства. *Успехи современной биологии*. 2023. 143(1). 77-90. DOI: 10.31857/S0042132423010040
7. Чемерис А.В. Академик РАСХН Василий Григорьевич Конарев – яркая жизнь в науке. (К 110-летию со дня рождения. *Biomics*. 2026. 18(1). 1-12. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2026-1
8. Чемерис А.В., Ахунув Э.Д., Вахитов В.А. Секвенирование ДНК. М., Наука. 1999. 429 с.
9. Чемерис А.В., Бикбулатова С.М., Куликов А.М. и др. Способ определения примеси муки мягкой пшеницы в крупке (семолине) твердой пшеницы и в готовой продукции макаронной промышленности. Патент РФ на изобретение (на способ) № 2249046 от 27.03.2005 г.

References

1. Chemeris AV. Academician Vasily Grigorievich Konarev – a bright life in science. (For the 110th anniversary of his birth. *Biomics*. 2026. 18(1). 1-12. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2026-1 (In Russian)
2. Chemeris AV, Akhunov ED, Vakhitov VA. DNA sequencing. M., Nauka, 1999. 429 p. (In Russian)
3. Chemeris AV, Bikbulatova SM, Kulikov AM et al. Method for assay of soft wheat flour impurity in grit (semolina) of durum wheat and in ready production of macaroni-making industry. Patent RF No 2249046, Date of publication 27.03.2005. (In Russian)
4. Konarev VG. Morphogenesis and molecular biological analysis of plants. 2nd edition. St.Petersburg. 2001. 417 p.
5. Konarev VG. Scientific biography with memories of the past. St. Petersburg: VIR. 2004. 140 p.
6. Konarev VG, Gilyazetdinov ShYa, Akhmetov RR. Heterosis and its manifestation according to biochemical data and molecular genetics. *USSR Agricultural Biology*. 1981. 26(3). 380-386. (In Russian)
7. Konarev VG, Tyuterev SL. Methods of biochemistry and cytochemistry of plant nucleic acids. Leningrad: Kolos. 1970. 204 p. (In Russian)
8. Kuluev AR, Kuluev BR, Chemeris AV. The problem of the origin of subgenomes B, A, D of bread wheat *Triticum aestivum* L.: Old facts and new evidences. *Biology Bulletin Reviews*. 2023. 13. 148-161. doi: 10.1134/S2079086423020032
9. Vakhitov VA, Chemeris AV, Sabirzhanov BE et al. Phylogeny of *Triticum* L. and *Aegilops* L. genuses inferred from a comparative analysis of nucleotide sequences in promoter rDNA regions of individual species. *Russ. J. Genet*. 2003. 39(1). 5-17. (In Russian)